

МЕЖДУНАРОДНЫЙ симпозиум, посвященный 150-летию со дня рождения корифея русской и мировой культуры Льва Николаевича Толстого, который проходил в Венеции в конце минувшего сентября, привлёк широкое внимание литературной общественности и печати.

Должное раньше всего следует отдать «Фонду Чини», обществу «Италия—СССР» и Ассоциации славистов Италии — это они выступили с инициативой созыва юбилейного форума на острове Сан-Джорджо — острове традиционных международных встреч, проходящих в духе взаимного уважения, искреннего стремления к диалогу творческому, непредвзятому.

Именно здесь в 1960 году проходил конгресс, посвященный 50-летию со дня смерти Льва Николаевича Толстого. Здесь же собирались ученые и литераторы многих стран Востока и Запада, чтобы обсудить проблемы творческого наследия Федора Михайловича Достоевского и Николая Васильевича Гоголя. Во всем этом нельзя не видеть ясного проявления глубокого интереса итальянского народа к художественной культуре и искусству слова русского, советского народа.

В этом мы видим также свидетельство того, что в условиях разрядки международной напряженности многообразные формы общения между народами стали наполняться значительным и емким содержанием. Процесс расширения культурных контактов, несомненно, способствует лучшему и углубленному пониманию духовных, общественных, мировоззренческих позиций различных сторон. Разве не служит это весомым вкладом в реализацию Заключительного акта европейского совещания в Хельсинки, призывающего распространять все более широкое знание и понимание различных аспектов жизни других народов, расширять в этих целях взаимную информацию, развивать и изыскивать новые формы культурного общения?

Нужно ли пространно говорить о том, что мы стоим за полное выполнение хельсинкских договоренностей как в сфере политики и экономики, так и в сфере гуманитарной, за одинаково ответственный и внимательный подход ко всем трем звеньям этой единой цепи. Наше общество открыто для ознакомления со всем лучшим, что рождается в художественном творчестве зарубежных стран и народов. Советский Союз никогда не исповедовал канонов великодержавной замкнутости и неизменно проявлял готовность делиться художественными ценностями, создаваемыми многонациональными его талантами.

Важно при этом иметь в виду взаимную зависимость между культурным обменом и главнейшими проблемами современной международной жизни — проблемами мира, безопасности, сотрудничества.

Живем мы в мирное время. Но где-то все время стреляют, льется кровь, земля покрывается человеческими жертвами. Где-то преследуют людей, заковывают в кандалы, бросают в застенки.

И потому актуален разговор о творчестве Толстого, которому в силу глубоко гуманистической природы органической противно всякое человеконенавистничество, враждебность культа войны, ненавистны агрессия, расизм, закабаление и порабощение человека человеком.

Мы убеждены, что расширение культурного обмена в условиях разрядки международной напряженности несомненно способствует укреплению взаимного доверия и понимания, служит делу упрочения мира, безопасности народов, предотвращению самоубийственной трагедии войны. Разве все это не созвучно образу мыслей Толстого, видевшего высшее предназначение литературы в объединении людей вокруг идеалов добра и истины? Война в глазах писателя была величайшим злом и бедствием. В «Севастопольских рассказах» читаем: «...началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие». Известно, что с идеями о мире и войне у писателя неразсторжимо взаимосвязаны и нравственные проблемы, среди которых он неизменно выделял моральную сторону борьбы людей за мир и справедливость. «За какое хотите время откройте газеты», — писал Толстой в 1896 году, — и всегда, всякую минуту вы увидите черную точку, причину возможной войны... Разбойничья работа ни на минуту не прекращается». А позднее, незадолго до смерти, собираясь на гуманитаризированный Стокгольмский конгресс мира, великий гуманист подчеркивал: «Безопасность при таких неравных силах должна представлять безусловную задачу. В их руках — миллиарды денег, миллионы покорных войск, в наших руках только одно, но зато могущественнейшее средство в мире — истина».

И потому... победа наша так же несомненна, как несомненна победа света восходящего солнца над темнотой ночи». В юбилейном симпозиуме приняли участие видные ученые и литераторы многих государств: Италии, СССР, США, Англии, Франции, ФРГ, Югославии, Чехословакии, Болгарии и других стран. Присутствовали также представители итальянского правительства и муниципальных властей Венеции.

Среди участников юбилейного форума и представивших письменные доклады — имена наиболее видных исследователей творчества Толстого и русской классики: М. Б. Храпченко, Д. С. Лихачев, Б. И. Бурсов, Д. Неделкович, Э. Бау-

царелли, С. Грачюти, Р. Пилибильский, В. Лакшин, Т. А. Мотылева, Ж. Нивата, М. Фукторье и многие другие. Участвовали также крупные литературоведы и писатели: В. Бранка, Г. Паризе, Ю. Трифонов, Д. Пампалони, С. Пероза, В. Страда, Ю. Суровцев, П. Палиевский, Р. Уортман, П. Читати, М. Колуччи, а также Татьяна Толстая-Альбертини и Сергей Толстой.

В докладах и сообщениях участников затрагивались различные стороны жизни и творчества Толстого, который был и остается сияющей вершиной русской нации, гордостью всех советских людей. Отмечалось, что художник и мыслитель масштаба непревзойденного — ни у нас, ни у других народов мира, — Толстой с неукротимой энергией вел сражение против всякого порабощения и эксплуатации человека, за пробуждение исполинских созидательных сил народа, за утверждение общественной справедливости, равенства, духовного обновления, гуманизма. Несправедливость, социальная несправедливость и неравенство были для писателя ясны, а справедливость и равенство остались недостижимы. Толстой, стремившийся соединить мечту с действительностью, явил нам творческую личность, в одной человеческой жизни вместившую огромный людской мир, никогда не стремившуюся заглушить в себе голос гневного протеста и совести. Покоряющая сила творчества Толстого обнаруживается в органическом взаимопроникновении многообразия объективной реальности и могучей индивидуальности художника.

Широк и многообразен был тематический круг проблем, излагавшихся докладчиками на конференциях и в ходе развернувшейся дискуссии. Достаточно назвать главнейшие: «Толстой и тысячелетие традиции русской литературы», «Черты великого эпоса», «На все времена», «Толстой и Достоевский», «Лев Толстой и писатели народов СССР», «Литературная судьба Толстого на

Безухова, Нехлюдова, Левина и Болконского». И выше всего — вечная гуманистическая устремленность художника в глубь народной жизни, к простому человеку, к душе его. «Самое близкое моему сердцу желание, — говорил Толстой, — иметь своим читателем большую публику, рабочего трудящегося человека и подвергнуть свои мысли его решающему суду».

Толстой, однако, не только ставил проблемы, не только искал ответы на вопросы. Он и давал ответы, объяснял, излагал свое понимание. Современному звучат и теперь слова Толстого, записанные им в дневнике 29 апреля 1898 года: «Бо сие нынче думаю, что самое короткое выражение смысла жизни такое: мир движется, совершенствуется; задача человека участвовать в этом движении, и подчиняться, и содействовать ему».

Неоспоримо, что Толстой стал классиком еще при жизни, снижал себе широкую известность в России и за ее пределами. Но не менее бесспорно и другое: именно после и благодаря Великому Октябрю, когда мы покончили с извечной неграмотностью, вручим миллионам трудящихся великую ценность — книгу, творения Толстого по-настоящему вошли в народ, обогатили духовную его жизнь, оказывая бесценную помощь в формировании и взрослении все новых поколений на родине писателя и далеко за ее рубежами.

Известный итальянский писатель Карло Леви сказал о Толстом, что он выходит за границы своего времени, за границы своих собственных теорий... Он дал миру то, что принадлежит и будет принадлежать всем временам, всем людям, всему человечеству.

Исполнилась великая мечта Толстого — принадлежать народу и вместе с миллионами простых людей, возделывающих свою землю, ради жизни на ней создавать радость бытия, совершенствовать духовный мир человека, пробуждать в нем совесть, утверждать чувства братства к себе подобным.

Обращенность к истине, к правде народной жизни, глубокая и непредубежденная, —

на тех мужчин и женщин, которые, казалось бы, совсем отступили от изнурительного труда и культурный уровень которых довольно низок. Толстой был поистине носителем культуры и красоты, и в наше время все еще некого сравнить с ним, чтобы найти ему равных, приходится вспоминать Гомера, Эсхила, Данте, Шекспира, Гёте, Сервантеса и других — очень и очень немногих».

Причина столь глубокого эмоционального воздействия «на людей во всех странах, даже на тех мужчин и женщин, которые, казалось бы, совсем отступили от изнурительного труда...», таится в том, что гениальный художник не страшился поднимать великие проблемы своего времени, что, несомненно, придавало его творениям актуальность звучания и общественную значимость. Иными словами, писатель был озабочен социальным миропорядком, жизнью людей труда, условиями человеческого существования, проблемами материального неравенства и нравственного кодекса.

В своей статье «Не убий», посвященной убийству итальянским анархистом Гаетано Брешии короля Умберто I, Толстой говорил: «А поддерживает теперешнее устройство обществ — эгоизм людей, продающих свою свободу и честь за свои маленькие материальные выгоды». Разве не возникает в этой связи вопрос: многое ли изменилось с тех пор в устройстве западных обществ? Перестали ли теперь убивать королей и премьеров, восстановлены ли свобода и честь, проданные за маленькие материальные выгоды? Повсюду одно ощущение: люди чудовищно разобщены, одиноки, изолированы.

Необузданное стремление к материальному благополучию, ненасытному потребительству, мораль вседозволенности, эпидемия порнографии привели — не могли не привести! — западный мир к утрате духовности, к нравственному истощению. Между тем иные при-

кладырует далее Страда, — «признак ограниченности почти всех советских критических работ, посвященных Толстому, который является одним из величайших религиозных мыслителей современности». И с душевной ностальгией заключает: а вот «русские революционные критики, напротив, оставили важнейшие труды, освещающие этот центральный аспект толстовского творчества». Не пренебрегает Страда и «авторитетом» Троцкого как «исследователя» Толстого. Толстой, провозглашает Страда, «в жизни подражал Христу до такой степени, что поставил себя на его место».

Как видим, у Витторио Страды явные склонности к казуистической фантазии и скоропортящейся сенсационности. Не менее сенсационно прозвучали неоднократные его заявления перед аудиторией, что он, поверьте, коммунист и выступает с подлинно марксистских позиций... Верна пословица, что истина рождается в споре, но если спор подменяется сенсационным абсурдом, истина безнадежно утрачивается.

На симпозиуме были прочитаны доклады на тему о Толстом и Востоке, интерес к которому у писателя был необычайно велик. Пристальное внимание Толстого к Востоку определялось, разумеется, историческими условиями его времени, ознаменовавшегося бурной экспансией западных держав в Азии. Решительно осуждая захватнические войны и колониальный разбой, глубоко сочувствуя поработанному народу, писатель возвышал свой гневный голос в их защиту.

И мы знаем, что Восток не оказался безответным. Творчество Толстого своими путями стало достоянием читателей Китая, Японии, Индии, Кореи, Вьетнама, приобрело огромное влияние и известность. Современный японский литератор Кимура Ки писал в связи с толстовским юбилеем: «Чудесные образы, созданные писателем, величайшая сила художественного слова, смелость и оригинальность философских размышлений — все это было близко японской интеллигенции. Толстого воспринимали не только как великого писателя, но и как борца за справедливость. Идеи Толстого для многих, особенно для представителей пролетарского направления японской литературы, стали своего рода программой гуманизма».

К началу восьмидесятых годов, времени перелома, взглядах писателя, у Толстого наблюдается повышенный интерес к китайской культуре. Он все чаще обращался к китайским мыслителям, изучал древнейшие памятники культуры и философии: Лао-цзы, Конфуция, Мэн-цзы и др. Много внимания он уделял и китайской литературе, особенно народному творчеству.

Можно сказать, что за последние шестьдесят лет на китайский язык были переведены почти все произведения Толстого. Однако начиная с 1961 года издание произведений Толстого в Китае резко сократилось, а в 1964 году — полностью прекратилось. Одновременно началась и все более нарастающая жестокая «проработка» русских классиков, которая с провозглашением в 1966 году «культурной революции» приобрела дикую форму. Классики русской и мировой литературы были объявлены вредными, опасными для китайского читателя. Творчество Толстого было причислено к разряду «феодалов, отравы», опасных «ядовитых трав», которые нужно «вырвать с корнем», дабы не отравлять сознание китайской молодежи. «Решительная борьба», объявленная маоизмом, сопровождалась в процессе «культурной революции» невиданным варварством — сожжением в кострах книг гениального художника. Маоизм был уверен, что пламя культуры можно погасить так же, как задуть огонь оплывшей свечи.

А тем временем весь Китай надрывно оглашали громкие голоса о верности высоким коммунистическим идеалам, марксистскому учению, ленинизму... Нет, не верность это, а отступничество, отказ от ленинского учения о наследии Маркса и Ленина, что все культурные богатства, созданные человечеством, являющиеся достоянием народа и без овладения ими невозможно развитие подлинно социалистической культуры? Из этого совершенно ясно, что художественную культуру прошлых эпох нельзя ни разрушать, ни безрассудно отвергать.

Остается лишь надеяться, что после черной ночи, опустившейся над Китаем в ходе пресловутой «культурной революции», наступит рассвет и бесмертные творения Толстого снова станут достоянием китайского народа.

Великие эстетические творения, что создавались художниками различных стран и эпох, выходят ныне на современные рубежи духовной битвы, развернувшейся в тревожном нашем мире.

Толстой, справедливо отмечает академик М. Б. Храпченко в своей работе «Лев Толстой, мир и человек», сородился благо не только русского народа, народов только страны, но и других наций, особенно угнетенных наций Востока. Произведения его, несущие в себе бесценное содержание, высокие гуманистические идеи, обращенные ко всем народам света, находят сегодня горячий отклик в сердцах читателей самых разных стран и наций. И, несомненно, они будут волновать людей всегда, глубоко волновать неуязвимой своей правдой, неподдельностью человеческих чувств, стремлений, красотой и совершенством своих художественных образов.

Юбилейный симпозиум в Венеции, посвященный гуманизму Толстого, явился новым свидетельством бессмертия гения русской и мировой культуры.

ВЕНЕЦИЯ—МОСКВА

Н. ФЕДОРЕНКО,
член-корреспондент АН СССР

ГУМАНИЗМ РУССКОГО ГЕНИЯ

Западе», «Толстой и Пруст», «Толстой и Китай», «Безбожный богослов», «Отец Сергей» Л. Н. Толстого, «Кризис культуры и культура кризиса у Льва Толстого», «Толстой и бедность», «Толстой как критик искусства XX века», «Воскресение» — роман идеологии», «Архитектура «Анны Карениной», «Толстой и утопия», «Джеймс, Толстой и роман», «Толстой и свобода» и другие.

Прочитанные доклады и выступления, отражавшие различные подходы и суждения их авторов, в целом воссоздавали время и обстановку, в которой великому художнику приходилось утверждать свои идеи в жизни и литературном творчестве.

В ряде докладов и выступлений участников, особенно советских литературоведов (М. Б. Храпченко, Б. И. Бурсов, Ю. И. Суровцев, Т. А. Мотылевой, П. В. Палиевского), содержались концептуальность мышления, научная обоснованность анализа, оценка явлений в контексте истории, сложного ее движения, в диалектике. Ибо художник нераскоржим со всеми социальными связями.

И жизненный, и творческий путь Толстого характеризовался в выступлениях отнюдь не простым и не легким. В мировой литературе едва ли можно найти более противоречивую и ищущую творческую личность, чем Толстой. И мы знаем, что причиной и источником душевных его терзаний была беспощадная требовательность художника к самому себе, к творческой позиции, которую он избрал и отстаивал на протяжении долгих лет писательского труда. В «Севастопольских рассказах» Толстой сам выразил свое кредо: «Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда».

Художественная литература во все времена выступала прежде всего как человековедение. Ярчайшее тому свидетельство — творения Толстого, в которых предмет изображения при его развитии всегда представлял собой движение духовного и интеллектуального мира личности в процессе исторического развития, всегда ведет к обогащению и углублению наших знаний о человеке.

В выступлениях указывалось также, что неумирающие творения словесного искусства Толстого неизменно взаимосвязаны с судьбой человека, его испытаниями и счастьем. Без литературы собственно история едва ли могла стать душой народа. Сам человек есть живое воплощение истории. И Толстой указывал нам, что бесконечно много в нем заложено от прошлого, от давно минувшего, но продолжающегося в нем существовать, жить в нем, чтобы затем войти в будущее.

Из этой позиции художника вытекают вечные искания, вечное стремление к правде в ее сложности и многообразии. И разве не в поисках ответов на вопросы о смысле жизни, о предназначении человека пафос толстовских героев —

вот наиболее существенное в художественном творчестве Толстого. Именно эта обращенность придавала особую силу слову Толстого.

На конференциях отмечалось, что время — неумолчивый критерий художественных ценностей — благосклонно к творениям великого писателя и то характерное явление, что с годами интерес к творчеству певца земли русской вовсе не убывает. В различных странах читатели находят в Толстом нечто непреходящее, живое, близкое себе и особенно дорожное. Всевластное время не снижает значения совершенных гением открытий. Напротив, приумножает силу их воздействия на человека, на его образ мыслей, поведение, поступки. Объяснение этому встречаем в pronunciamento высказывании В. И. Ленина: «...Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе».

Весьма существенно — и об этом говорилось на симпозиуме, — что правда русского гения Толстого одновременно национальна и общечеловечна, ибо с избранной им художественной позиции писатель раскрывает глубинные черты народа, которые рельефно проявляются и тогда, когда он борется за правое дело, когда от него зависит судьба страны, и во время войны, и во время мира. Бескомпромиссная же критика Толстым государственных порядков царской России объективно обличала господствовавший режим в других странах, в которых господствовали та же общественная несправедливость и угнетение народа. В этом неотраженности видения писателем мира, особенностью облигательной его позиции, отмеченные Лениным: «бесстрашие в стремлении «дойти до корня»».

И потому естественно возник серьезный разговор во время венецианского нашего собрания на сложную и неисчерпаемую тему восприятия Толстого за рубежом, в странах Запада и Востока. Речь шла о том, что воздействие толстовского гения, в сущности, не миновало ни одного крупного художника, в той или иной мере влиявшего на формирование литературы нынешнего века. Воздействие это оказалось крупноплановым, охватывающим многочисленные течения художественной мысли.

Уместно в этой связи привести суждение Антонио Грамши о Толстом в письме к сыну Делю: «Толстой является писателем мирового масштаба, одним из тех немногих писателей, которые достигли наивысшего совершенства в искусстве: его произведения (даже в очень плохом переводе) оказывали и оказывают эмоциональное воздействие на людей во всех странах, даже

верженцы западного образа жизни пытаются представить дело так, будто социально-экономические и правовые порядки в буржуазном обществе — чуть ли не эталон справедливости и гуманизма. Принятие человеческого достоинства, стремление утвердить его беспомощность перед неотвратимым ходом событий, попытки представить жестокость, агрессивность в качестве якобы извечных его свойств существующим образом деформируют нынешнее буржуазное искусство».

Однако подобного рода философские, политические и нравственные взгляды и явления причиной бунта великого художника, глубоко понимавшего неотвратимость перемен в самом образе жизни, в общественном устройстве. Разве не приходят на память вещи слова Толстого, глубоко осознававшего необходимость коренных социальных изменений еще в самом начале века: «Наша цивилизация — одна из многих, она идет к концу. Надо начинать с нового пути». Толстой имел в виду, помимо прочего, обновление человека как духовную потребность, преобразование и возрождение личности и человечества, то есть раскрепощение людей от сумасшествия эгоизма, которым поражена общественная жизнь и который порожден частно-собственнической психологией. Решительное отрицание общественного устройства, которое зиждется на частной собственности и порабощении человека, — великая заслуга Толстого как мыслителя и художника.

Между тем иные западные участники конференции явно предпочитали умалчивать об этих проблемах и стремились уводить разговор в сферу вероисповеданий писателя, непонимания зла, насилия, пороков и тайн, «очищенной от веры и таинственности» религии, апеллирующей к «духу», призывов к «нравственному самосовершенствованию», «загадочности русской души», «тайны смерти», мистического опыта писателя и т. п. Другими словами, тенденциозно проявлялся особый интерес к аспектам мировоззрения писателя, которые относятся к слабым, реакционным его сторонам и отнюдь не являлись главными в художественном творчестве гениального художника.

Так, к примеру, Витторио Страда в своем докладе заявил, что откровенно точку нужно искать внутри Толстого, а «не в толстовской критике, как мы делали до сих пор, и в качестве такой откровенной точки и выберем как раз религиозные взгляды Толстого, с тем чтобы показать, в какое можно впасть заблуждение, игнорируя их». Кто же впадал в заблуждение? По утверждению Страды, — именно Ленин, причем, я думаю, в силу своего атеистического фанатизма, не позволившего ему дать исторически справедливую оценку религиозно-феноменам». Таков способ изысканий и сенсаций Страды. Ему, должно быть, показалось, что он вдруг ощутил ядро ореха в собственных руках: игнорирование или непонимание религиозности Толстого, как и Достоевского, де-